

0-787740

На правах рукописи

ГЕРАЩЕНКО ДМИТРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ

**ПРАВОВАЯ АНОМИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
СТРУКТУРНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

22.00.04 – социальная структура,
социальные институты и процессы

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук**

Ростов-на-Дону – 2011

Работа выполнена в ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет»

**Научный
руководитель:**

**Заслуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук, профессор
Волков Юрий Григорьевич**

**Официальные
оппоненты:**

**доктор философских наук, профессор
Блинов Николай Михайлович**

**доктор социологических наук, профессор
Попов Михаил Юрьевич**

**Ведущая   Институт управления, бизнеса и права
организация:**

Защита состоится «13» мая 2011 г. в 10.00 на заседании диссертационного совета Д 212.208.01 по философским и социологическим наукам в Южном федеральном университете (344006, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 160, ИППК ЮФУ, ауд. 34).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Южного федерального университета (344006, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 148).

Автореферат разослан «13» апреля 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

А.В. Верещагина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В условиях провозглашенной политическим руководством России курса на модернизацию, вырисовываются контуры радикальной перестройки сфер общественной жизни, которые требуют немалых усилий по преодолению правовой аномии в российском обществе, как массовых неправоновых практик населения и маргинализации ценности права. На состояние экономики, социальной и политической жизни в стране влияет рассогласованность правовых норм и базисных социальных установок россиян, как ориентация определенной части населения реализовать жизненные цели, выходящие за рамки правового регулирования.

Специфика правовой аномии в российском обществе не может быть «списана» только за счет издержек социальной транзиции или концепции культурной самобытности, выражающейся в архетипах социальной анархии или имманентного бесправия.

Социологический анализ правовой аномии требует выявления ее объективных и субъективных факторов, описания правовой аномии как по объективным критериям, основанным на дисфункции института права, так и по динамике настроений россиян и реализации жизненных стратегий в рамках права или отклонения права.

Правовая аномия в российском обществе, имеет свои специфические проявления. Ее характер определяется, во-первых, достаточно сложным процессом преодоления социальной травмы, несоответствия состоявшихся жизненных стандартов и социального опыта новым требованиям социальной среды и официально одобряемых целей; во-вторых, сохраняющимся социальным неравенством, которое не предоставляет минимальные социальные возможности представителям групп, находящимся за чертой бедности, и воспроизводит социальные диспропорции. В-третьих, правовая аномия не является уделом только маргинальных слоев населения, сфокусирована в различных социальных

группах, что дает основание говорить о ее системном характере. И, наконец, в-четвертых, с правовой аномией связывается рост криминализации в обществе, поражающей государственные и правоохранительные структуры.

Вот почему нельзя правовую аномию сводить только к неэффективности права и культивированию правового нигилизма в настроениях россиян. Ее последствия гораздо шире и ощущаются в повседневной жизни россиян.

Говоря о правовой аномии, также необходимо отметить, что ограничение или нейтрализация влияний правовой аномии является неотложной задачей на пути успешной модернизации: общество, находящееся в состоянии правовой аномии с правовыми институтами, не может мобилизоваться на решении задач модернизации. В той же степени остаются неясными и перспективы поворота общественного сознания к легальной социальной интеграции в общественную жизнь, налаживанию системы взаимоотношений доверия и ответственности с государством и обществом и включению правовых регуляторов на межличностном уровне.

Итак, проблема правовой аномии имеет теоретическое и социально-практическое значения, так как описываемые в социологическом дискурсе эффекты маргинализации и деформации права сводятся к институциональным искажениям и в целом не ориентируют исследовательский интерес на выявление корреляции между правовой аномией, носящей системный характер, и неправовыми социальными практиками. Актуальность данной проблематики определяется возникшим несоответствием между общественным запросом на модернизацию, на интеграцию российского общества в глобальную систему и осуществлением идеи права как основного социального регулятора, которая находится в зависимости от воздействия неправовых практик и испытывает последствия маргинализации права, избирательности

применения / неприменения правовых норм в контексте неравенства в доступе к ресурсам права.

Правовая аномия также порождает цепь деструктивных изменений, связанных и направленных на расширение сферы неправовой свободы, неэффективности государства за исполнением законов и норм, криминального перерождения базовых институтов, нарастания деликвентного и девиантного поведения, которое, хотя и поражает в большей степени молодое поколение, свойственно и в поведенческих практиках старших поколений российского населения.

Анализ причин и форм проявления правовой аномии в российском обществе имеет непосредственно социально-практическое значение и решает ряд теоретических проблем, определяемых неразработанностью, понятийной непроясненностью концепта правовой аномии, отсутствием системы эмпирических верификаторов, что требует тематизации проблемы правовой аномии в отечественной социологической мысли.

Степень научной разработанности темы. Определение аномии в классической социологической мысли дано Э. Дюркгеймом¹, который установил, что в условиях перехода от традиционного к современному обществу органическое разделение труда и порожденные им анонимные функциональные отношения ослабляют воздействие коллективных представлений на личность, создают трудности в процессе социальной интеграции. Индивид вынужден, сталкиваясь с неясностью коллективных представлений и неэффективностью традиционных образцов, находиться в состоянии социальной неопределенности, недоверия и фрустрации.

В работах М. Вебера² теоретические поиски правовой аномии сосредоточены на «формуле» поведенческого отклонения в условиях рационализации общественной жизни. По мнению Вебера, правовая аномия имеет основания в бюрократизации правовой системы, в

---

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1999.

² Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

безличностном характере правового воздействия, которое выступает объективирующей «силой» по отношению к интересам людей. В условиях отсутствия ассоциативного поведения, стремления к интеграции интересов, отдельный индивид «сопротивляется» воздействию права как внешней регламентации поведения.

Осмысление аномии в условиях сформировавшегося индустриального современного общества предложено Р. Мертоном³, который, применяя положения структурно-функционального подхода, осмысливает аномию как несоответствие между целями и стандартами жизни, навязываемыми современным обществом, и ограниченность способов легального удовлетворения официально одобряемых целей.

Таким образом, наибольшее внимание классической социологии привлечено к поиску объективных факторов правовой аномии, связанных либо с ослаблением общественных связей (Э. Дюркгейм), либо с нефункциональностью и дисфункциональностью института права (Р. Мертон).

Неклассическая социологическая мысль переводит проблемы аномии на социальный микроуровень, подтверждением чему служит концепция социального габитуса (П. Бурдьё), социальной неопределенности (Э. Гидденс), социокультурной травмы (П. Штомпка). Неклассическая социология делает упор на выявление мультипликационного эффекта аномии, определяемого социально-диспозиционными установками личности, прежде всего, социально фиксированными и базисными.

В работах российских исследователей М. А. Шабановой и Т. И. Заславской принимается во внимание то, что население России «испытало шок» от реформ, т.е. даже насильственное изменение ценностных ориентиров не ведет к успешной жизненной карьере и подразумевает

---

³ Американская социологическая мысль. М., 1996.

неспособность индивида справиться с накопившимися проблемами на индивидуальном уровне⁴.

В условиях, когда отсутствует система гарантированных социальных прав, личность вынуждена ориентироваться на умение «делать деньги» в независимости от реального уровня жизненной обеспеченности, что приводит к дискредитации правовых норм и утрате ценности права, как способа достижения жизненных целей. На нестабильность правил социальной «игры» и неэффективность правовых регуляторов социальной интеграции как фактор роста правовой аномии указывают в своих исследованиях В. В. Кривошеев, М. А. Ядова, Ю. А. Зубок⁵.

В.М. Артемов, М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги, подчеркивают, что правовая аномия может быть осмыслена через понимание места права в системе ценностных ориентаций населения и характере установок на соблюдение закона в российском обществе, что определяет характеристику правовой аномии как следствия принятия схемы «неправового» государства и недостаточности права в качестве регулятора во взаимоотношениях между гражданами и государством и гарантии прав и свобод граждан⁶.

В целом в разработанности правовой аномии необходимо выделить следующие характеристики: классическая социология концентрирует внимание на определении объективных, связанных со структурными и институциональными параметрами, факторов правовой аномии как

---

⁴ Заславская Т.Н., Шабанова М.А. Социальные механизмы трансформации неправовых практик. // Общественные науки и современность. 2001. № 5.

⁵ Кривошеев В.В. Особенности аномии в современном российском обществе. // Социологические исследования. 2004. № 3; Ядова М.А. Поведенческие установки постсоветского поколения // Социологические исследования. 2006. № 10; Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии. М., 2007.

⁶ Артемов В.М. Социально-культурная ориентация работников правоохранительных органов // Социологические исследования. 2000. № 7; Горшков М. К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010; Шереги Ф.Э. Социология права: прикладные исследования. СПб., 2002.

нестабильности и дисфункциональности правовой системы, неудовлетворения общественного запроса на значимость функций права.

Неклассическая социология направляет исследовательские усилия на выявление структурно-деятельностных и субъектно-деятельностных подходов к проблеме правовой аномии, рассматривая ее как влияние социальных диспозиций личности и объективации права в поведенческих стратегиях.

Российская социология, основываясь на структурно-функциональном (Ю.А. Зубок⁷), неинституциональном (М.А. Шабанова⁸), структурно-деятельностном (Ф.Э. Шереги⁹) подходах к проблеме правовой аномии, достигла определенных результатов в выявлении степени регулятивной роли права в жизни российского общества, месте права в системе ценностей россиян, но существуют определенные исследовательские «разрывы», связанные с терминологическим смешением категориального характера и анализом правовой аномии как системообразующего фактора и условий жизни современного российского общества, что требует качественно нового уровня методологической рефлексии и эмпирической верификации правовой аномии как состояния общественной жизни.

Исследовательский выбор определяет формулирование основной цели исследования – рассмотрение правовой аномии как фактора, обусловленного маргинализацией права и неправовыми социальными практиками в российском обществе.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

– определить валентность и содержание категории «правовая аномия» в контексте социологической мысли;

---

⁷ Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии. М., 2007.

⁸ Шабанова М.А. Социология свободы: трансформирующееся общество. М., 2000.

⁹ Шереги Ф.Э. Указ. соч.

- сформировать теоретико-методологический конструкт, исходя из особенностей правовой аномии в российском обществе;
- выявить социально-структурные изменения, способствующие нарастанию правовой аномии в российском обществе;
- исследовать институциональные параметры аномии в российском обществе;
- проанализировать основные формы аномии в правовом поведении российского населения;
- определить пути, методы и способы реализации и ограничения правовой аномии в общественной жизни российского общества.

Объектом исследования выступает правовая сфера российского общества, связанная с ролью правовых регуляторов общественных отношений.

Предметом исследования является правовая аномия как состояние правовой сферы, характеризующееся рассогласованностью массовых социальных практик и содержания правовых норм, приоритетности неправовых форм регуляции во взаимодействиях на уровнях взаимодействия с обществом и государством и в сфере межличностных отношений.

Гипотеза исследования заключается в том, что правовая аномия, как состояние рассогласованности правовых норм и социальных практик населения, имеет основания в расхождении между доминирующей в российском обществе «идеологией» приоритетности права и ограниченными легальными средствами и способами удовлетворения жизненных целей.

Правовая аномия выражается в массовизации иллегального, отклоняющегося от правовых норм, поведения практически во всех группах российского общества, специфически преломляясь через социально-статусные и идентификационные параметры, и возможности доступа к правовым ресурсам. Нейтрализация и ограничение правовой

аномии определяются переориентацией общества на референтность правомерного поведения в соответствии с официально одобряемыми целями, повышением эффективности правовых норм, а также включением правовых норм не только в публичной сфере, но и в приватной жизни на социальном микроуровне.

Теоретико-методологической основой исследования является теория правовой аномии, сформулированная в трудах классической социологии (Э. Дюркгейм, М. Вебер, Р. Мертон), содержащая трактовку правовой аномии как ослабления и замещения норм права в достижении социально одобряемых целей; в неклассической социологии (П. Бурдьё, Э. Гидденс, П. Штомпка) о субъектном измерении правовой аномии в обществе как способе адаптации индивида к растущей социальной неопределенности и ослаблению интеграционной силы права.

В исследовании находят применение положения и выводы российских исследователей: О.А. Кривошеева – об особенности аномии в российском обществе, М.А. Шабановой – о неправовой свободе; Ю.А. Зубок – о девиантности как способе выстраивания социальной карьеры в условиях дисфункциональности института права.

Эмпирическую основу исследования составили данные статистических сборников, результаты социологических исследований, проведенных коллективом Института социологии РАН под руководством М. К. Горшкова в 2000–2010 гг. (Молодежь России: образ жизни и ценностные ориентиры. М., 2007; Российская идентичность: социологическое измерение. М., 2007; Бюрократия и власть новой России: позиции населения и оценки экспертов. М., 2005; Готово ли российское общество к модернизации. М., 2010). Центра молодежи ИСПИ РАН Ю.А. Зубок (Проблемы социального развития молодежи. М., 2007) (2000–2007 гг.), российских исследователей: О.А. Кривошеева (Аномия в современном российском обществе. М., 2009), О.А. Коленниковой (Трансформация правоохранительных органов в России. М., 2006). Кроме того, в

диссертации использованы материалы федеральной и региональной социальной статистики по динамике правового поведения населения (Материалы Роскомстата. М., 2007, 2009; Регионы России: Сб. материалов М., 2008)

Научная новизна диссертационного исследования определяется совокупностью достигнутых результатов и состоит в осмыслении автором особенностей правовой аномии в российском обществе. В содержательном плане научная новизна заключается в том, что:

- рассмотрены и систематизированы основные теоретико-методологические подходы к исследованию правовой аномии в обществе, что приводит к выводу о конструктивности применения структурно-деятельностного подхода, расширяющего границы анализа правовой аномии по сравнению со структуралистской и институциональной схемами;

- конкретизировано понятие правовой аномии как состояния российской общественной жизни, характеризующееся рассогласованностью правовых норм и формированием и реализацией жизненных стратегий населения, что определяет формирование методологического конструкта исследования правовой аномии в российском обществе, включающего в качестве критериев верифицируемости толерантность/интолерантность населения к отклонению от правовых норм, степень доверия населения к институту права и деятельности конкретных правоохранительных структур, что позволяет выявить корреляционные связи между социальными настроениями и восприятием, оценкой и актуализацией норм права в массовых социальных практиках;

- дана характеристика структурных предпосылок правовой аномии, которая заключается в социальной дезинтегрированности российского общества, в выстраивании параллельных социальных миров, ведущей к сегментированности права и алгоритмизации правовой аномии на уровне

повседневного социального взаимодействия, что является определенным шагом в исследовании влияния структурных изменений на динамику правовой аномии;

- проанализированы институциональные предпосылки правовой аномии, выражаемые в дисфункциональности института права, приоритетности неявных, латентных функций над открытыми, декларируемыми в использовании ресурсов права для достижения групповых и индивидуальных целей путем избирательного применения, что проявляется в инновационности положения о присвоении ресурсов права на институциональном уровне и расширении возможностей институционализации неправовых практик;

- исследованы формы проявления правовой аномии в поведенческих практиках россиян, включающих на уровне «опривычивания» правовое исключение, как ориентацию на «усредненное» поведение, связанное с толерантностью к правонарушениям в экономической жизни и на бытовом уровне с устранением от правовой ответственности и ориентацией на правомерное поведение, что определяет приращение знания в понимании взаимозависимости между правовой аномией и поведенческими образцами;

- определены пути, способы и методы нейтрализации ограничения правовой аномии, которые состоят в оптимизации условий периферизации правовой аномии, смещении на «обочину» социальной жизни в результате повышения правовой ответственности и обеспечения доступа к ресурсам права основных групп российского населения через практическую реализацию концепции правового равенства, что нацеливает на оптимизацию процесса формирования базового института права и ограничение влияния неправовых практик в общественной жизни.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Правовая аномия как категория социологического анализа введена в оборот классической социологией, согласно которой переход от

традиционного общества к обществу современного типа связан с изменением регуляторов общественной жизни. Правовая аноμία характеризует состояние рассогласованности поведения индивидов с нормами права в условиях нестабильности и неэффективности правовой системы, отклонения правомерного поведения под влиянием традиционных или социально аффективных образцов. Неклассическая социология делает упор на возросшую социальную неопределенность, выявление социальной травмированности, которая проявляется и в переживании индивидом состояния дезадаптации и требует выхода на осмысление посттравматического синдрома, особенно с резким и радикальным характером изменений. Таким образом, категоризация правовой аномии имеет аналитический смысл в исследовании неравновесных состояний общественной жизни и ослаблении влияния или дискредитации норм правового регулирования, что связано с актуализацией структурно-деятельностного подхода, включающего анализ объективных, связанных с социоструктурными и институциональными параметрами, условий и правовых установок населения, реализуемых в процессе социальных практик.

2. Особенности правовой аномии в российском обществе характеризуются как параметрами социальной трансформации, продуцирующей адаптацию к травматогенным социальным изменениям, так и сегментированностью права, включающей контрастные установки восприятия и применения правовых норм в социальных практиках, что требует актуализации теоретико-методологического конструкта исследования, который содержит иерархию критериев, связанных с выявлением с восприятием и оценкой населением значимости правовых регуляторов и актуализацией правовых установок в поведенческих практиках.

3. Смешанная социальная структура российского общества способствует развитию правовой аномии, так как социальная поляризация

и социальная дезинтеграция приводят к выстраиванию параллельных социальных миров с автономной нормативной и идейной структурами, с расхождением и взаимоисключением социальных интересов, что приводит к снижению или потере общезначимости правовых норм на социальных макро- и микроуровнях. В структурном отношении правовая анония характерна как для слоев, находящихся ниже черты бедности, так и для успешно адаптированных слоев в силу того, что первые, имея ограниченный доступ к правовым ресурсам, воспринимают право в запретительном, ограничительном смысле, воспроизводящем социальную дискриминацию. Для выигравших от перемены групп правовая анония выражается в стремлении к монопольному обладанию правовыми ресурсами, приводит к узкогрупповой трактовке правовых норм и избирательному применению права для выстраивания структурных барьеров и конвертации правовых ресурсов в социальный капитал.

4. Институциональные предпосылки правовой анонии выражаются в диссонансе между значимостью правовых норм и массовыми социальными практиками, что влечет за собой отторжение правовой институционализации как способа организации социальной жизни. На макроуровне социального взаимодействия дисфункциональность социальных институтов проявляется в том, что не удовлетворяется запрос на легальное достижение групповых или индивидуальных интересов на микроуровне – в возрастании толерантности к правонарушениям, поиске возможностей для неправовых способов реализации личных интересов. Специфика российской анонии в институциональном измерении выражается в декларируемости правовых норм и приоритетности неявных функций, удовлетворяющих интересы отдельных групп населения, конкретных индивидов, использующих «лазейки» права или монопольный доступ к правовым ресурсам для воспроизводства и закрепления неправовых практик.

5. Поведенческие стратегии российского населения дифференцируются в зависимости от степени рассогласованности основных жизненных позиций с правовыми нормами. Этот поразжающий эффект проявляется в формах правового исключения или криминализированного поведения. В российском обществе отсутствуют «чистые» типы аномийного поведения населения, за исключением маргинальных групп. Особенностью является то, что правовая аномия не фокусируется на периферии социальной жизни, а актуализирована в поведенческих стратегиях основных групп населения, которые, придерживаясь позиции одобрения правовых норм, склонны действовать в режиме правомерного поведения либо под страхом применения негативных правовых санкций, либо откладывать состояние правового включения на неопределенное будущее, связанное с формированием правового государства

6. Пути и способы нейтрализации правовой аномии определяются ориентацией российского общества на усиление эффективности института права, связанной с расширением легальных возможностей достижения жизненных целей и формированием социально фиксированных установок на принятие права как основного способа формирования и реализации жизненных стратегий. Российское общество в основном утвердилось в понимании того, что правовые нормы являются безальтернативными в налаживании «цивилизованных форм» социального взаимодействия, делегирования, представительства и реализации групповых интересов. «Узким» местом остается воспроизводство права как инструментальной ценности, что требует перехода к системе поощрения правомерного поведения и повышения издержек, связанных с актуализацией делинквентных поведенческих стратегий.

Научная и практическая значимость диссертационного исследования определяется основными результатами и концептуальными выводами, позволяющими расширить научные представления о сущности

правовой аномии и ее специфике в российском обществе. Выводы и рекомендации, содержащиеся в работе, могут быть использованы при разработке программ правового воспитания и профилактики на региональном и муниципальном уровнях, в системе переподготовки и повышения квалификации работников правоохранительных органов.

Материалы диссертационной работы могут найти применение в курсах по общей социологии, социологии права, социологии молодежи.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования были апробированы на: III Российском философском конгрессе «Рационализм и культура на пороге III тысячелетия» (г. Ростов-на-Дону, 2002 г.); III Всероссийском социологическом конгрессе «Глобализация и социальные изменения в современной России» (г. Москва, 2006 г.); Всероссийской научно-практической конференции «Диалог культур в изменяющейся России» (г. Ставрополь, 2007 г.); V Российском философском конгрессе (г. Новосибирск, 2009 г.); Международной научно-практической конференции «Кавказ – наш общий дом» (г. Ростов-на-Дону, 2010 г.).

Результаты и содержание работы отражены в 4 публикациях общим объемом 8,1 п. л., в том числе 2 научных статьях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ общим объемом 1,1 п. л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих шесть параграфов, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается и раскрывается актуальность темы исследования, определяется степень научной разработанности проблемы, ставятся исследовательские задачи, излагаются методы исследования, формулируются научная новизна и основные положения, выносимые на защиту, определяется практическая значимость и освещаются формы апробации работы.

правомерного поведения. В-четвертых, переносимые и заимствованные за рубежом правовые стандарты, несмотря на декларируемое одобрение, существенно корректируются, изменяются под воздействием доминирующих неформальных норм, используются и актуализируются отдельные составляющие компоненты, но при этом теряется реститутивный смысл права, ориентированный на укрепление социальной солидарности.

Диссертантом выявлено, что для эмпирической идентификации правовой аномии в российском обществе может быть выстроен теоретико-методологический конструкт на основе развернутой критериальной системы, содержащей критерии доверия к институту права и оценку функциональности (эффективности) правоохранительных, правоприменительных структур, включающей также субъективные измерения, связанные с оценкой безопасности и уровня преступности в российском обществе, отношения к наиболее массовым проявлениям делинквентного поведения и интерпретация способов борьбы и противодействия правовой аномии (оценка перспектив построения правового государства, повышение правовой культуры общества).

В главе 2 **«Воспроизводство правовой аномии в системе общественных отношений»** прослеживается взаимозависимость влияния правовой аномии и структурных, институциональных ограничителей права в российском обществе.

В *параграфе 2.1 «Правовая аномия в контексте социальной дезинтегрированности российского общества»* исследуются социоструктурные детерминации правовой аномии, связанные с возникновением «параллельных» социальных миров, ориентированных на избирательное или инструментальное применение правовых норм.

Автор диссертации полагает, что социальное неравенство воспроизводится и расширяется в условиях, когда политика государства, с одной стороны, направлена на консервацию бедности; с другой – когда

Одной из отличительных черт советского права была высокая степень ее деидеологизации и децентрализации, а интересы групп направлялись в определенное русло посредством институционального патернализма. В значительной степени правовая аномия в российском обществе заключается не в том, что существует недоверие к институтам права, а в том, что произошла маргинализация права, существенно изменилось его понимание и восприятие в системе жизненных координат российского населения.

На практике это означает, что, во-первых, право не является важным показателем, объективирующим социальные позиции россиян. Во-вторых, социальное воспроизводство не связано с воздействием института права. В-третьих, массовые социальные практики не реализуются и не содержат целью закрепление права.

Анализ ситуации, сложившейся с правом в российском обществе, показывает, что в оценке этого явления «сплелись» наследие советской эпохи, не имевшей ничего общего с периодом, в котором общество сталкивается с проблемами становления общего порядка, с процессом формирования социальных групп, которые возникли в результате «нарушения» выхода из правового поля (новый класс российских собственников возник в результате дикой приватизации).

Автор делает вывод, что правовая аномия является результатом взаимодействия четырех факторов. Во-первых, советского наследия, в котором правовые нормы фактически, несмотря на декларируемость, замещались административно-командным ресурсом, приоритет отдавался встраиванию в систему должностной иерархии, а не объему индивидуальных прав и свобод. Во-вторых, очевиден когнитивный диссонанс противоречия между стремлением к самостоятельности и неприятием правовых ориентиров, как способствующих реализации жизненных целей. В-третьих, в российском обществе не существовало групп, которые бы являлись референтными, считались носителями

Глава 1 «Теоретико-методологические основания исследования правовой аномии» посвящена исследованию концепта правовой аномии в системе социологического знания и определяются границы применения к анализу правового состояния российского общества в рамках существующих теоретико-методологических подходов.

В *параграфе 1.1 «Правовая аномия в системе социологического знания»* выявляются аналитические и объяснительные параметры категоризации и тематизации правовой аномии в социологическом знании.

Автор диссертации придерживается позиции, что ключевым смыслом к пониманию правовой аномии в контексте социологического знания обладает категория общества, описанная Э. Дюркгеймом как совокупность коллективных представлений. Исследуя общественную жизнь в контексте перехода от традиционного общества к обществу современного типа, от механической солидарности к солидарности органической, Дюркгейм определяет место правовой аномии как аналитической, исследующей замещение моральных ориентаций, присутствующих в традиционном обществе, и связанных с интегрированными общественными представлениями, правовыми нормами, регулирующими взаимодействие индивидов, занятых и выполняющих функциональные роли в общественном разделении труда.

Автор делает вывод, что подход Дюркгейма основывается на понимании регулятивной функции права в современном обществе и несовпадении потенциала правовых норм с анонимным разделением труда, характеризующихся потерей, удовлетворением интересов на основе присвоения правовых норм или отклонения от использования правовых норм.

В методологии М. Вебера выявляется субъектно-деятельностный смысл правовой аномии, ассоциируемый с типами поведения, которые не могут подпадать под определение целерационального. Вебер подчеркивает, что в современном обществе обнаруживаются целые

«пласты» жизни, которые не подвержены воздействию права и, хотя действующий закон рационализации может привести к тотальному контролю, правовая аномия выступает формой сопротивления, резистентности нормам, вводимым бюрократизированным и бюрократическим государством.

Р. Мертон, рассматривая в качестве функциональной альтернативы политическую машину, прослеживает, что правовая аномия проявляется в сферах взаимодействия власти и бизнеса, власти и имущих слоев, а также, повышением уровня социальной мобильности. Мертон считает, что правовая аномия определяется не врожденным правовым нигилизмом определенных групп населения, а тем, что обхождение права позволяет найти более эффективные способы удовлетворения запросов и интересов определенных групп в отличие от следования официально одобряемым нормам и установкам.

Характеризуя исследование в рамках неклассической социологии правового направления в контексте перехода от социальных структур к взаимодействиям необходимо и следует принимать во внимание три фактора: формы взаимозависимости, рамки правовой свободы и структуры личности.

В работах Э. Гидденса правовая аномия определяется в контексте теории структуриации. Признавая дуальность структурного, который является одновременно условиями и результатами действий, совершаемых агентами, как частью этих систем, Гидденс видит в правовой аномии и условия для социального действия, и результат социальных практик¹⁰.

П. Штомпка¹¹ в преодолении дискурса прогресса классической социологии, которая интерпретирует правовую аномию как социальную патологию, отклонение от нарастающего процесса социальной солидарности на основе правовых норм, подходит к понятию дискурса

---

¹⁰ Цит. по: Коркьюф Ф. Новые социологии. М., 2002. С. 69.

¹¹ Штомпка П. Социология изменений. М., 1996.

травмы. При этом он основывается и обращает внимание на то, что классическая социология в лице Э. Дюркгейма выявила нормативный хаос, упадок моральных стандартов, полагаясь на реститутивное воздействие права.

В заключение диссертант делает вывод о том, что правовая аномия, являясь производной от универсального понятия социальной аномии, введенного Э. Дюркгеймом, характеризуется переходами от парадигмы структур к парадигме социального взаимодействия. Во-вторых, в этом направлении выстраивается система аналитических признаков, позволяющих выделить поведенческие и диспозиционные критерии правовой аномии. В-третьих, с правовой аномией связывается формирование стратегий, ориентированных на выход общества из состояния дезорганизации и дезориентации и укрепление ценности правовых норм.

В *параграфе 1.2 «Специфика правовой аномии в российском обществе: теоретико-методологический конструкт исследования»* на основании анализа обобщений и выводов российских исследователей об особенности правовой аномии предлагается теоретико-методологический конструкт исследования структурных и субъектных критериев.

Считается, что российское общество обрело современную правовую систему, характеризующуюся возникновением лояльных законопослушных групп. Однако создается также впечатление, что общество еще не достигло того «дна», с которого начинается процесс институционализации новой правовой системы. Иными словами, правовые нормы, имевшие в прошлом сильные позиции, потеряли социальное влияние.

В условиях перехода к рынку наиболее неадаптируемыми оказались слои населения, которые руководствовались ценностными ориентирами советской эпохи. У них не оказалось ресурсов, которые бы могли конвертироваться в ресурсы влияния. Они до сих пор зависят от поддержки государства.

правовые нормы, система права действуют таким образом, что сохраняют в целом и способствуют усилению социальной дифференциации.

В условиях возросшей социальной неопределенности, особенно в кризисный период, многие россияне сосредотачиваются на такой модели социальной жизни, в которой семья является и обладает подавляющим авторитетом (88 %); приоритеты работы разделяют больше половины опрошенных (55 %); 49 % уделяют внимание друзьям; свободное время считается ценностью у каждого третьего россиянина; политика и религия занимают периферийное значение. Именно эти ценности, судя по данным исследования, являются типичными для россиян.

Социальная поляризация общества привела к тому, что для повышения субъективной социальной самооценки большинство респондентов позиционируют приоритетность тех целей, которые они могут достигнуть вне рассогласованности, опираясь на жизненный опыт и те правовые норы, которые, казалось бы, не подвержены влиянию внешних обстоятельств. Так, по иерархии достижений россиян в различных сферах жизни¹², можно судить, что, хотя на первом месте стоят «иметь надежных друзей», «честно прожить жизнь», «создать счастливую семью», данные показатели не являются следствием социального доверия в обществе, а скорее, представляют симптомы правовой аномии.

Во-вторых, это проявляется в том, что большая нагрузка выпадает на доверие на личностном уровне. Также и позиция «честно прожить свою жизнь», несмотря на заявленные моральные интенции, скорее, свидетельствует о недоверии населения к правовым нормам или стремлении уйти от образа человека, следующего принципам права, как отчужденного от контекста традиционного общения.

В-третьих, правовая аномия выражается в том, что в зависимости от социального статуса проявляется отношение к праву как

---

¹² Динамика социально-экономического положения населения России. Вып. 2. М., 2008. С. 41.

ограничительному, разрешительному или стимулирующему механизму реализации жизненных планов.

В-четвертых, уровень социальной и правовой защищенности работников, хотя и декларируется как адекватный, практически имеет низкий уровень, несмотря на декларируемую адекватность, недостаточен для того, чтобы повысить «подушку безопасности», стать амортизатором от проявлений кризиса.

Итак в России, происходит институционализация, закрепление воспроизводства правовой аномии как фактора, оказывающего влияние на формирование модели жизни населения. Отмечая, что социальная поляризация привела к сегментации правовых норм, сосредоточению правового ресурса в относительно узком социальном секторе и воздвижению барьеров на пути групп, причисляющих себя к бедным и неадаптированным, можно сказать, что в обществе нарушились легальные каналы социального взаимодействия. И требования, как это видно на примере многочисленной социальной напряженности по поводу обманутых вкладчиков, владельцев сносимых зданий, вызывают интерес только у самих пострадавших или, в лучшем случае, правозащитных организаций, никак не продуцируя широкий общественный резонанс.

По мнению диссертанта, на высокий уровень правовой аномии в межгрупповом взаимодействии в российском обществе влияют три причины, а именно: 1) отсутствие срединной, медиаторной группы, которая извлекает основной доход из должностной ренты, так называемых профессионалов, объединяющих руководителей высшего и среднего звена, специалистов с высшим образованием, военнослужащих, сотрудников МВД и прокуратуры¹³; 2) отсутствие референтной группы, ориентированной в целом на правовые нормы в жизненных стратегиях, и являющихся примером, образцом для других социальных групп;

---

¹³ Попова И.П. Профессионализм – путь к успеху? // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 56.

3) преобладание и доминирование на уровне межгруппового и межличностного взаимодействия неформальных деловых контактов и несовпадение или непересечение взаимных интересов с другими группами населения.

В параграфе 2.2 *«Правовая аномия в институциональной среде российского общества»* подчеркивается, что неэффективность института права в российском обществе определяется низким уровнем доверия населения к деятельности правоохранительных структур и репрессивной интерпретацией права.

В России идеальная модель государства не коррелируется с реальными правовыми практиками и наполняется достаточно «гибким, подвижным» содержанием, поскольку в стране отсутствуют договорные отношения на правовой основе, что, с одной стороны, определяет доминирование права, исходящего от государства как основного регулятора общественных отношений, с другой – приводит к реальному влиянию неформальных норм, рассогласованных и несогласующихся с правом.

Автором выявлено, что доверие к правовым институтам в обществе формируется в контексте двух обстоятельств: доверия к институту права и включенности населения в институциональные правовые практики, институциональные стратегии.

Из исследования, проведенного коллективом М. К. Горшкова в 2000 – 2007 гг., следует, что население в основном полагает основной «бедой» российского государства бюрократический аппарат. 66,7 % уверены, что главный интерес бюрократии – это сохранение собственного влияния и богатства, несмотря на низкий уровень жизни населения¹⁴.

Определяя современное российское государство как государство с наибольшим засильем бюрократии, респонденты заявляют, что система

---

¹⁴ Свобода, неравенство, братство: социологический портрет новой России. М., 2007. С. 36.

государственной власти не выполняет своих обязанностей, а государство как реальная функционирующая организация далека от идеала, характеризуется неэффективностью работы государственных служащих. И хотя превалирующей является позиция усиления контроля за работой чиновников, сознавая идеализм подобного предположения, 51,1 % опрошенных выступает за введение запрета на занятие государственных должностей чиновников, уличенных в коррупции. Срабатывает эффект институционального недоверия, расхождения между образом идеального государства, которое бы гарантировало порядок и заботу о населении, что являлось олицетворением законопослушности и несправедливости, и реальным, зараженным коррупцией, неэффективностью и представляющей интересы различных бюрократических и олигархических группировок¹⁵.

Автор считает, что правовая аномия вырастает из понимания реального действующего государства как слабого, отвечающего интересам узкой группы людей и проецирующего несовершенные законы. В действительности складывается противоречивая тенденция, связанная, с одной стороны, с осознанием того, что правоохранительные органы, на которые возложена обязанность поддержания общественного порядка и безопасности, удовлетворяют определенные общественные ожидания. Но, с другой стороны, растет неудовлетворенность состоянием в обществе и ответственность возлагается не столько на высокий уровень криминализации самого общества, сколько на неэффективность органов милиции, которые поражены коррупцией, а профессиональные и личностные качества сотрудников не соответствуют востребованным профессиональным и социальным стандартам.

Репрессивное понимание задач деятельности правоохранительных органов, является причиной рассогласованности между обществом, его интересами и деятельностью органов правопорядка. Отмечая, что в самой

---

¹⁵ Свобода, неравенство, братство: социологический портрет новой России. М., 2007. С. 53.

структуре правоохранительных органов доминирует аномийное поведение, связанное с индивидуализацией и корпоративизацией интересов, с отчуждением от правовых норм, следует сказать, что профессионализм соответствующих структур реализуется в меньшей степени, чем возрастание степени интегрированности в поляризованном обществе.

Исходя из анализа сложившейся аномийной тенденции, автор делает вывод, что, во-первых, функционирование институтов права в российском обществе не соответствует требованиям, тревогам и настроениям населения, связанным с запросами на обеспечение правопорядка личной и общественной безопасности, что принимает часто гипертрофированный характер и является «пугалом» для большинства россиян.

Во-вторых, требования наведения порядка исключительно репрессивными мерами и перекладывание правовой ответственности только на работников правоохранительных структур конструируют поле взаимного недоверия, в котором работники милиции предстают как либо не справляющиеся со своими обязанностями, либо как люди, действующие в собственных интересах или руководствующихся исключительно корпоративными установками.

В-третьих, неудовлетворенность работников милиции условиями своего труда и общественной оценкой их деятельности, приводит к состоянию социальной фрустрации и депривации, вызывающей готовность к отклонению от профессиональных стандартов и стремление заработать на службе в счет компенсации в целях повышения материального благополучия, и отношение к населению как к массе индивидов, ориентированных, стремящихся и относящихся с недоверием к правоохранительным органам, как к массе просителей, не заслуживающих доверия и уважения и интересующих только в контексте взаимовыгодного обмена.

В главе 3 «Правовая аномия: субъектное измерение» рассматриваются формы аномийного поведения, основанные на

смешанной социально-диспозиционной структуре, и способы периферизации правовой аномии в российском обществе.

В *параграфе 3.1 «Правовая аномия в поведенческих стратегиях российского населения»* классифицируется аномийное поведение по критерию толерантности к нарушению правовых норм в контексте доминирования социально-реактивных установок населения.

Автор отмечает, что современное российское общество испытало эффект и прошло стадии урбанизации образа жизни и индивидуализации социальных ценностей. Вернее будет сказать, что оно унаследовало от прежней системы ряд «предрассудков», которые общество оказалось не в состоянии ни изменить, ни продолжить в силу изменившегося образа жизни.

Правовые нормы, ориентированные на отложенное вознаграждение, в контексте социально-реактивных установок теряют значение конструирующего условия. Поэтому и в социальных настроениях начинает доминировать правовой релятивизм, ситуативное видение права, что выражается и находит подтверждение в оценках респондентов. Динамика отношения россиян к необходимости соблюдения закона показывает, что только каждый четвертый стоит на позиции правовой безусловности. Для большинства характерны конвенционализм, требование взаимного исполнения обязательств населением и органами власти, что позволяет предположить рассогласованность в отношениях общества с государством в атмосфере взаимного недоверия.

На поведенческом уровне правовая аномия, на взгляд диссертанта, выражается аномийными позициями. Речь идет о том, что правовая аномия может влиять на рост индивидуализации поведения, что связано, конечно, не только с чисто правовыми регуляторами, но и с социальным исключением, социальной депривацией, невозможностью действия и осуществлением жизненных целей через легитимные каналы социальной регуляции.

Только треть российской молодежи позитивно оценивает роль права в системе межличностных отношений¹⁶. Дефицит социальной эмпатии в российском обществе приводит к тому, что индивид сосредотачивается на себе и занимает отчетливые эгоцентричные позиции, пренебрегая коммунитарным значением правовых норм и отклоняя их в этом смысле.

Опора только на себя в жизненных позициях объективно содействует включению неправовых ресурсов, так как действует логика замещения. При декларировании самодостаточности и отсутствии личной ресурсообеспеченности возникает стремление найти более легкие, выгодные пути достижения жизненных целей, что неизбежно включает отрицание правовых норм.

Правовая индивидуализация создает условия для правового исключения, для принятия девиантной модели поведения. Сама актуализация личности, как стремление к возможно более полному выявлению и развитию своих личностных качеств, проявляется не в вовлеченности в какое-либо дело, а определяется отсутствием социальной эмпатии и стремлением к поиску соответствующих форм адаптации.

Но это лишь одна сторона дела. Другая заключается в том, что масштабы неправовой активности населения постоянно возрастают. Для достижения собственных целей каждый четвертый россиянин готов совершить нарушение закона, а каждый третий признается, что мог бы это сделать, если бы был убежден, что это не повлечет наказания¹⁷.

Возможность исчезновения грани в оценке позитивного и негативного поведения населения, как следствие правовой аномии, возросшая толерантность к нарушениям закона и маргинализация права, как регулятор общественных отношений, дают совокупный эффект в

---

¹⁶ Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Указ. соч. С. 53.

¹⁷ Свобода, неравенство, братство: социологический портрет современной России. М., 2007. С. 49.

криминализации российского общества, в том, что, по оценкам криминологов, в России совершается ежегодно 12–15 млн преступлений¹⁸.

Несмотря на то, что тревога по поводу преступности в обществе занимает одно из основных мест в негативном социальном самочувствии россиян, правовое исключение и правовая индифферентность ведут к тому, что доверие к работникам правоохранительных органов значительно ограничивает возможности профилактики преступлений и противодействие криминалу со стороны общества. С другой стороны, сами сотрудники правоохранительных органов ориентированы на извлечение из правоохранительных ресурсов определенных материальных и социальных привилегий и не нацелены на борьбу с преступностью и ее профилактику как основную составляющую профессиональной деятельности.

В заключение автор делает вывод, что криминализация общественной жизни выражается и состоит в том, что, в отличие от стабильного неаномийного общества, где преступность сосредоточена на периферии, характеризует поведение миноритарных социальных групп с преобладанием деликвентной карьеры, в обществе криминал воспринимается как алгоритм повседневной жизни. Толерантность к преступлениям, особенно в экономической сфере, ведет к тому, что правоохранительная система просто не в состоянии предотвратить вал преступности или сосредотачивается на незначительных преступлениях.

В *параграфе 3.2 «Пути и способы периферизации правовой аномии в общественной жизни»* исследуются перспективы как ограничения влияния правовой аномии на социальные настроения россиян в пользу правового выбора поведенческих практик.

Выявление правовой аномии как рассогласования норм правовой регуляций в жизненных стратегиях населения дает ключ к пониманию того, насколько преодолима правовая аномия, в какой степени ее можно удержать под контролем и какие социальные риски необходимо

---

¹⁸ Россия в цифрах. М. 2009. С. 144.

прогнозировать в контексте распространения в обществе тенденций правового исключения.

По сравнению с советским периодом, обнаруживаются «приземление» жизненных ориентиров и потеря профессиональных и нравственных стандартов. Но, как считает диссертант, правовая аномия вызвана не столько правовой переориентацией на умение «делать деньги» или культ денег, сколько определяется тем, что правовым исключением или несоблюдением элементарных норм, если такие отклонения не сопровождаются правовыми санкциями. Иными словами, в обществе институционализируется толерантность к правонарушениям, как следствие девальвации регулятивности права. Таким образом, путь к нейтрализации или вытеснению правовой аномии на «обочину» социальной жизни пролегает между совершенствованием системы права и интернационализацией права в установках россиян.

Конечно же, речь не идет о мгновенном переводе правовых установок на уровень базисных, воспринимающих ценность как право. На наш взгляд, более прагматичным, хотя и «приземленным», представляется создание таких условий, когда нарушение права и издержки от нарушения права будут превышать выгоды.

Исследуя феномен правовой аномии в российском обществе, очень интересным представляется проведенное еще в 2000 г. М.А. Шабановой исследование на тему свободы в реформируемой России. Так, лишь немногие респонденты (1,4 %) абсолютизировали свободу и выносили ее за пределы реального жизненного пространства, что говорит о неадекватности приписывания россиянам завышенных требований к праву или конструированию идеального права. Большинство же (95 %), конструируют портрет современного человека, обращаясь к вполне конкретным жизненным реалиям¹⁹. К сожалению, ситуация не притерпела

---

¹⁹ Шабанова М.А. Образы свободы в реформируемой России // Социологические исследования. 2000. № 2. С. 33.

существенных изменений, что связано с институционализацией неправовых практик в жизни россиян.

Следует подчеркнуть, что, перечисляя в качестве приоритетов работу, деньги, стабильную зарплату или отсутствие материальной нужды, опрошенные россияне не называли правовую компетентность. По существу, этот признак не присутствует в позициях россиян, поскольку anomийность права можно выразить в заниженной общественной потребности в формировании правового пространства. При этом важно не столько то, насколько ухудшились или улучшились позиции права в российском обществе, сколько то, какой значимостью они обладают в реальном жизненном пространстве.

Нельзя с правовой аномией, считает автор, связывать влияние неблагоприятных социально-экономических условий. Хотя российское общество уже пережило период адаптационного шока, право так и не интегрировано в жизнь россиян, поскольку отсутствует взаимосвязь между индивидуальным пространством и правовыми отношениями.

Необходимо отметить, что преодоление аномийного синдрома определяется синхронизируемыми процессами повышения доверия к институту права и включения интернационализации правовых установок в социально-диспозиционной структуре личности. Следует подчеркнуть, что население с большим доверием относится к реформам права, которые носят эволюционный характер, что связано с позицией «Россия нуждается в стабильности, а реформы должны носить эволюционный характер» (69 % респондентов).²⁰

Очень важной представляется связь между доверием к институту права и повышением квалификации и профессиональных навыков тех, кто соблюдает законность. Негативная оценка деятельности правоохранительных структур исходит из того, что большинство

---

²⁰ Свобода, равенство, братство: социологический портрет современной России. С. 69.

работников (представителей) правопорядка не выполняют свои профессиональные обязанности.

В условиях, когда не выработаны, не достигнут консенсус по базовым ценностям общества и не определены общезначимые цели, правовая аномия может ощущаться, несмотря на соответствующие формальным показателям совершенствование и функционирование института права. Преодоление недоверия на институциональном уровне не может идти без возрастания консолидации общественной жизни, дискредитации механизмов аномийной регуляции. Доминирование ответственного индивидуализма возможно в рамках включения жизненных стратегий в правовое пространство. И в этом отношении нельзя включать и актуализировать только институциональные ожидания, видеть в преодолении правовой аномийности приведение к правовым стандартам деятельности государственных структур и конкретных представителей власти (государственных служащих или бюрократов в обыденном понимании).

В заключение диссертант делает вывод, что, во-первых, пути преодоления правовой аномии связаны, с одной стороны, с нейтрализацией ее социоструктурных детерминантов, того, что лежит в плоскости институционализации правового пространства; с другой стороны – с переломом чувства безысходности и отстраненности населения от гражданской активности в отношении к правовой аномии в обществе. Во-вторых, рассмотрение этого процесса требует заново решать проблему, связанную с преодолением правового исключения, как следствия синдрома двойных стандартов, унаследованных от советского прошлого. В-третьих, необходимо сближение приватной и публичной сферы, сферы общественной активности в том, чтобы происходило замещение образа индивидуальной свободы, рассматриваемой как лежащей исключительно в неправовом пространстве, в пользу

альтернативы, определяемой возможностями самореализации индивида в контексте включения права в жизненные стратегии.

В **Заключении** диссертации подводятся итоги проведенного анализа, формулируются основные выводы и намечаются перспективы дальнейшего исследования проблемы.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

В изданиях перечня ВАК Минобразования и науки РФ

1. *Геращенко Д.Г.* Правовая аномия в институциональной среде российского общества // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 11. 0,5 п. л.

2. *Геращенко Д.Г.* Последствия социальной поляризации российского общества в контексте сегментированности права//Социально-гуманитарные знания. 2009. № 9. 0,6 п. л.

В других изданиях

3. *Геращенко Д.Г.* Структурно-деятельностное измерение правовой аномии в российском обществе. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2011. 6 п. л.

4. *Геращенко Д.Г.* Пути и способы периферизации правовой аномии в общественной жизни Ростов н/Д: Антей, 2009. 1 п. л.

Сдано в набор 12.04.2011. Подписано в печать 12.04.2011.

Формат 60х84 1/16. Цифровая печать. Печ. л. 1,4.

Бумага офсетная.

Тираж 100 экз. Заказ 1204/02.

Отпечатано в ЗАО «Центр универсальной полиграфии»

340006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140,

телефон 8-918-570-30-30

www.copy61.ru

e-mail: info@copy61.ru

102